

A dramatic movie poster featuring a man with a beard and a captain's hat, looking out over a turbulent sea under a stormy sky. He is holding the ship's wheel. The title is written in large, stylized Cyrillic letters at the top, and the actor's name is at the bottom. A compass rose is centered between the title and the actor's name.

МУЖЕСТВО КАПИТАНА ПЛЮМА

ДЖЕЙМС КЕРВУД

Джеймс Кервуд

Мужество капитана Плюма

<https://litres.ru/74495152>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мужество капитана Плюма» — захватывающая приключенческая история Джеймса Оливера Кервуда, действие которой разворачивается на фоне суровой северной природы. Герою предстоит пройти через опасные испытания, где отвага, выдержка, находчивость и верность друзьям становятся залогом спасения. Дикая природа, неожиданные опасности, путешествия и борьба с обстоятельствами создают атмосферу настоящего приключения. Кервуд показывает человека, оказавшегося один на один с суровым миром, где характер проверяется не словами, а поступками.

Джеймс Кервуд

Мужество капитана Плюма

1

Глава I. ДВЕ КЛЯТВЫ

В один из дней раннего лета 1856 года, в послеобеденные часы, Натаниэль Плюм, капитан и владелец шхуны «Тайфун», был погружен в чрезвычайно серьезное и захватывающее дело — он курил... Клубы удушливого дыма, пронизанные лучами заходящего солнца, уже более получаса стояли над ним неподвижным облаком. Несмотря на мрачный характер его размышлений, лицо его выражало полнейшее удовольствие. Капитан Плюм был в некотором роде философом и благодаря этой счастливой способности умел сохранять равновесие духа при самых двусмысленных обстоятельствах. Он был еще молодым человеком, не старше двадцати восьми — двадцати девяти лет, и его строгое сухощавое лицо, обветренное от постоянного пребывания на море, оживлялось блеском бесконечно-добродушных глаз, которые были готовы в любой момент заискриться смехом.

В настоящее время мысли капитана Плюма были ограничены пределом озера Мичиган. Утром он еще мог различить неясные очертания берега Мичиганской пустыни в двадцати милях к востоку, но сейчас, при вечернем свете, это было невозможно.

Прямо перед ним в роскошном пурпуре заката вырисовывались темные причудливые контуры двух небольших островков, и между ними на три мили дальше силуэт «Тайфуна» казался сказочным видением. Кроме островов и шхуны, глазам Плюма не на чем было остановиться. Как он ни всматривался, он не мог увидеть нигде ни одного паруса.

Зелень деревьев и дикого винограда, расположенных за ним, скрывала его совершенно, и если бы не маленькая лодка, причаленная у Бивер-айлэнда, его местопребывание оставалось бы совершенно скрытым. Так, по крайней мере, считал капитан Плюм. С этим сознанием он начал тихо на-свистывать какой-то игривый мотив и, окончив наконец курить, в виде очередного развлечения приступил к осмотру длинноствольного револьвера, который вытащил из-под лежащей недалеко куртки. Пули, порох и капсюли были в полном порядке. Капитан Плюм потуже затянул пояс, спрятал револьвер в кобуру и, дотянувшись до куртки, извлек из ее внутреннего кармана письмо. Это было измятое, зачитанное письмо. Действительно, он читал его уже много раз, тем не менее он вновь перечел его, потом набил трубку и сел в прежнее положение — спиной к скале. Он устроился очень удобно. Устремив взгляд на далекую шхуну, капитан Плюм вновь погрузился в созерцание, но в быстро наступавшей темноте ее силуэт все больше и больше сливался с темным фоном горизонта и наконец растаял совсем.

Капитан Плюм посмотрел на часы. Он должен еще немно-

го подождать, прежде чем пуститься в приключение, ради которого оказался в этом уединенном месте. Капитан Плюм, прислонив голову к скале, терпеливо ждал.

В нескольких шагах сзади него, в густых зарослях, легкий шорох блуждающего зверька, сонное чириканье птички, шелест чьих-то утомленных крыльев, рассекающих темноту в поисках ночного приюта, изредка нарушали царившую вокруг тишину.

Капитан Плюм был совершенно один. Это сознание, подчеркнутое окружающей тишиной и мраком, вселяло в него холод и тоску. Это были бы новые неприятные ощущения для капитана Плюма, впервые испытываемые, если бы нечто подобное он не пережил две недели тому назад в Чикаго. В тот день ему доставили это письмо. С тех пор оно лежит камнем на его душе и постоянным укором на его совести. Раз или два он уже было совсем собрался уничтожить это письмо, но в последнюю минуту каждый раз боязнь раскаяния брала верх. Сейчас во внезапном протесте против своей слабости он энергично смял письмо в комок и бросил его по направлению к белой полосе берега. В ту же секунду густая стена зелени сзади него пришла в движение. Бесшумно разорвались переплетенные ветви, и чья-то голова просунулась между ними. Убедившись в том, что комок не попал в воду, она так же бесшумно и быстро, подобно змее, скрылась. Капитан Плюм, вероятно, уловил странное приглушенное кулдахтанье, которое раздалось вслед за этим, но не придал ему

значения. Скорей всего, это была какая-нибудь ночная птица или зверек.

— Пора, — обратился сам к себе капитан Плюм. — Пора двинуться нам в путь.

Он вскочил на ноги, счистив песок, приставший к платью, пошел по направлению к берегу, потягиваясь до хруста в костях. Спрятавшаяся было голова снова вынырнула из своего убежища. Если б в эту минуту капитан Плюм повернулся, он, наверное, был бы поражен вдвойне: и тем обстоятельством, что рядом оказался человек, и еще в гораздо большей степени тем, как необычайно выглядело на фоне яркой зелени его очень бледное лицо. Длинные седые волосы падали в беспорядке. Только глаза, горевшие в темных впадинах, подобно двум черным блестящим бусинам, свидетельствовали, что это была не маска, а действительно человеческое лицо. Когда капитан Плюм двинулся по направлению к бумажке, в глазах шпиона вспыхнуло беспокойство, но заметив, что подошва сапога капитана беспечно вдавила в песок выброшенное письмо, глаза потухли и голова скрылась.

Капитан Плюм надел куртку и, застегнувшись, чтобы спрятать оружие, висевшее на поясе, двинулся вдоль узкой полосы берега, лежавшей подобно белой ленте между озером и пустынной частью острова. Как только он отошел на некоторое расстояние, кусты за скалой раздвинулись и через образовавшееся отверстие вынырнул человек. Этот человек

остановился, прислушиваясь к отдаляющимся шагам, потом с поразительным проворством метнулся к берегу и поднял смятое письмо. Человек, который большую часть дня следил за капитаном Плюмом, был маленького роста и почтенного возраста, но в нем было что-то такое, что противоречило его очевидной старости. Это «что-то» заключалось в быстроте! движений и в необычайной подвижности. Он не горбился, голову держал прямо, и глаза были остры как сталь. Несмотря на бледность лица и седину волос, трудно было определить точно, к какому возрасту, в пределах от пятидесяти до семидесяти лет, он принадлежал. Этот бодрый старичок жадно расправил выброшенную бумажку и успел, несмотря на поздние сумерки, разобрать большую часть написанного. Когда он прятал бумагу в карман, по его губам пробежала улыбка, выражавшая удовлетворение. Без минуты колебания он пустился за капитаном Плюмом и через четверть мили нагнал его.

— Как вы поживаете, сэр? — приветствовал он капитана, когда молодой человек обернулся на приближающиеся шаги. — Вы слишком быстро шагаете для такого старого человека, как я, сэр!

Он разразился смехом, не лишенным, впрочем, приятности, и смело протянул руку.

— Мы ждали вас, но не таким образом, вернее, не по этой дороге. Я надеюсь, что у вас все обстоит благополучно?

Капитан Плюм пожал протянутую руку. Она была холод-

на. Внезапное появление этого человека неприятно поразило его. Плюм решил, что старик принял его за кого-нибудь другого. Насколько он знал, на острове не было никого, кто мог бы его ожидать. Капитан Плюм вообще был убежден, что его приезд сюда был глупостью. Экипаж его шхуны и друзья с большой готовностью принимали именно эту точку зрения, но их старания отговорить капитана от сумасшедшего проекта, ради осуществления которого он бросился в самый очаг мормонов, на их остров-крепость, окончились ничем. Именно это пришло ему на ум, пока странный старик пожимал ему руку с таким жаром, как если бы капитан Плюм был наиболее важным и желанным гостем в целом мире. Старик между тем рассматривал его, хихикая и улыбаясь.

— Надеюсь, что все благополучно? — повторил он свой вопрос.

— Вполне, отец, — ответил молодой человек, стараясь освободиться от холодной руки, которая все еще продолжала трясти его руку. — Но мне кажется, что вы ошиблись и принимаете меня за другого. Меня здесь никто не ждет.

Лицо старичка покрылось тысячью морщин, и он быстро и хитро заморгал левым глазом.

— Охо-хо, конечно вас не ждут, во всяком случае, и не думаем, чтобы вас ждали... Вы очень осмотрительны, капитан. Осмотрительность чрезвычайно необходимое качество в некоторых делах. Я надеюсь, что Стрэнг сумеет оценить вашу осмотрительность. Молодец, капитан, очень хорошо!

Старичок дал волю своему одобрению в целой гамме неподражаемого хихиканья, кудахтанья и бормотания.

— Здесь ли ваша шхуна? — вернулся он наконец к разговору.

Двусмысленность положения заинтриговала капитана Плюма. Он имел в виду собственное маленькое дельце на этом острове, но тут, очевидно, наклевывалось нечто другое, обещающее больше неожиданностей и приключений. А в двадцать девять лет это иногда все, что нужно от жизни.

Он кивнул головой.

— Великолепный груз, — осведомился старичок, спрашивая в утвердительной форме, как бы не сомневаясь в ответе. — Чудесный груз, а?

— Недурной.

— И порох лучшего качества?

— Сухой, как солома.

— И много пуль, и достаточно ружей?

— Да, и ружья у нас имеются, — ответил капитан Плюм, многозначительно подчеркивая последнее обстоятельство.

— Станный, очень странный путь вы избрали, — пробормотал старичок несколько раз, энергично потирая руки, как бы очень довольный. — Очень осмотрительно. Голова на уровне дела. Это очень хорошо, что вы избрали такой путь. Вам хотелось бы узнать, в чем дело, а?

— Вот именно! — ответил капитан Плюм, хватаясь за это предложение, как утопающий за соломинку. Все вопро-

сы старичка, не говоря о его поведении, до сих пор только затемняли дело, и капитан Плюм никак не мог уловить ни малейшего проблеска разгадки. Все, что он понял, — это то, что кого-то ждали на острове с порохом, пулями и ружьями. Великолепно, у него действительно есть как раз некоторое количество этого товара на борту, и если цена будет подходящей...

Старичок угадал план, который созревал в озадаченной голове капитана Плюма медленнее обычного.

— Вы думаете о цене, а? — спросил он. — Но прежде чем разгружаться, вы хотите видеть цвет моего золота, а? Я покажу вам его. Я заплачу вам сполна — сегодня же вечером, а потом вы доставите товарец, куда я вам укажу!

Он метнулся и в мгновение ока оказался впереди капитана Плюма.

— Прошу вас, сэр, следуйте за мной!

Первой мыслью капитана Плюма было повернуть обратно. Он сразу же сообразил, что попадает помимо воли в какое-то таинственное предприятие, не имеющее ничего общего с тем, ради которого он приехал сюда. Но любовь к приключениям оказалась сильнее голоса предосторожности. От одного предчувствия возможных приключений капитан Плюм инстинктивно выпрямился. Он был готов.

— Вы идете, сэр?

Старичок был уже на десять шагов впереди и повернулся выжидающе.

— Я опять повторяю, что вы обознались, отец!

— Угодно ли вам следовать за мной, сэр?

— Ну ладно. Если вы так настаиваете — я иду.

Капитан Плюм чувствовал, что его совесть теперь может быть спокойна — какой бы оборот ни приняло это дело, никто не сможет сказать, что он вступил в него под чужим именем. Сосредоточив слух и зрение, держа по привычке руку на рукоятке скрытого под курткой револьвера, капитан Плюм весело последовал за стариком. В течение получаса они молча шли по выющейся тропинке, и только на вершине холма, с которого увидели мерцающие вдали огоньки, они остановились и старик нарушил наконец молчание.

— Город Сент-Джемс, — сказал, вернее, шепнул старичок. Его голос изменился. Он стал мягче и глуше, точно боялся нарушить тишину.

Сент-Джемс...

Капитан Плюм в глубоком молчании созерцал раскинувшиеся внизу далекие огоньки. Сердце его билось радостно и сильно. Он отправился в это далекое путешествие в надежде хоть одним глазком взглянуть на этот город, и вот теперь его мечта осуществилась. Город, безмолвный и таинственный, простирался у его ног.

Старик дрожащей рукой указал на яркий огонь, в сравнении с которым остальные огни казались светлячками.

— Это — священный дом короля и пророка, — сказал он.

Голос старика опять изменился. Твердость металла звучала в нем. Слова дрожали от волнения, которое ему с трудом удавалось подавить. Блеск загоревшихся вдруг глаз пронзил темноту.

— Чей дом, вы сказали?

— Стрэнга, — ответил старик и быстро пошел вниз с холма.

Капитан Плюм, все меньше понимая поведение старика, молча последовал за ним. Скоро они вышли на боковую тропинку, которая привела их к крепкой бревенчатой постройке, расположенной на другом холмике. Раздался звук вставляемого в замок ключа, упавшего болта, и дверь открылась.

— Вы меня простите, если я не зажигаю свет, — извинился старичок, вводя его в дом. — Мы обойдемся одной свечкой. В таких делах необходима большая осторожность. Не правда ли?

Капитан Плюм вошел. Он увидел, что хижина состоит из одной небольшой комнаты, в которой кроме старика, по-видимому, никто не обитал.

— Это очень удачно, что сегодня нет света в окне, — продолжал старичок, шаря по столу в поисках свечи и спичек. У меня есть тут комнатка, в которой одной свечи будет достаточно для полной иллюминации. Иногда очень полезно иметь укромный уголок в собственном доме, не правда ли, капитан Плюм?

Услышав свое имя, капитан Плюм вздрогнул точно от

неожиданного прикосновения. Значит, его действительно ждали, раз его имя было известно. На минуту изумление лишило его речи. Старичок, зажигая свечу, засмеялся. Потом через отверстие в стене, которое трудно было бы назвать дверью, настолько оно было узко, он прошел в соседнее помещение и пригласил туда капитана Плюма. Комнатка была размером не более пяти футов, и поставленная на стол свеча действительно освещала ее вполне.

— Садитесь, капитан Плюм, сюда, против меня, — сказал старичок, извлекая из кармана брошенное на берегу письмо. Расправив его, старик приступил к чтению с такой уверенностью и спокойствием, как если бы владелец письма был, по крайней мере, на расстоянии тысячи миль, а не сидел бы здесь, правда, несколько растерянный, на расстоянии вытянутой руки.

Капитан Плюм онемел окончательно. Кровь бросилась ему в лицо, и первой его мыслью было завладеть письмом и потребовать нечто более основательное, чем простое объяснение. Но он сразу же сообразил, что такой поступок испортил бы все дело и оборвал бы приключение, которое сулило ему столько интересных неожиданностей. Поэтому он взял себя в руки. Старичок, между тем, был так погружен в чтение письма, что кончик его крючковатого носа почти прикасался к бумаге. Он разбирал отдельные полустертые слова, изредка бормотал что-то, совершенно забыв о присутствии капитана. Когда старичок подошел к концу письма, его гла-

за заблестели безграничным удовлетворением и, старательно сложив, он протянул бумажку Плюму.

— Это лучшая рекомендация, капитан Плюм. Она устраивает меня вполне. Я рад, что прочел это письмо. — Он ласково улыбнулся и, сложив руки, опустил на них свою седую взлохмаченную голову.

— Значит, вы собираетесь скоро домой, а?

— Я еще не решил этот вопрос, — ответил капитан Плюм, вытаскивая из кармана трубку и табак. — Я вижу, что вы прочитали письмо очень внимательно и сможете поэтому легко посоветовать мне, что делать.

— Вермонт? — спросил старик коротко.

— Да, совершенно верно. Вермонт, штат Огайо.

— На вашем месте я бы отправился туда и постарался бы сделать это как можно скорее. Я даже побежал бы.

Старик вскочил на ноги. Движение было так внезапно и быстро, что капитан Плюм от неожиданности уронил свой кисет. Когда он поднял его, странный хозяин опять сидел на своем месте. В руках он держал кожаный мешок. Быстро развязав стягивающую мешок веревочку, он высыпал прямо на стол целую грудку золотых монет.

— Дело и деньги, — пробормотал он, потирая руки до хруста в пальцах. — Красивая картинка, капитан Плюм, не правда ли? Теперь вернемся к делу. Сотенка карабинов, порох и тонна пуль. Или, может быть, это свинец? Впрочем, это не имеет никакого значения. Я заплачу за все три тысячи

долларов.

Он наклонился и начал быстро отсчитывать деньги. Целую минуту капитан Плюм сидел в совершенном недоумении, смущенный неожиданным оборотом, который приняло это приключение. Как зачарованный, он следил за быстрыми движениями костлявых пальцев. В какой таинственный разговор он был вовлечен? Зачем понадобилось мормонам Бивер-айлэнда такое количество карабинов и пороха? Он протянул руку и тяжело положил ее на проворные пальцы старика. Их взгляды встретились. В глазах старика сверкнул острый, полупонимающий блеск, а в глазах капитана Плюма — настойчивый и смелый вызов.

— Отец, я говорю в третий и последний раз, — сказал он, не отнимая руки, — вы впали в ошибку. У меня на борту шхуны есть восемь лучших ружей Америки, но на каждое из них есть свой человек. Кроме того, у меня действительно есть кое-что другое, вполне достаточное, чтобы разнести Сент-Джемс в течение получаса. Все это, конечно, я могу продать за хорошую цену, но и только... Вообще, мне думается, что я не тот человек, который вам нужен!

Он отошел от стола и выпустил целое облако дыма. Старик продолжал секунду или две смотреть на него, затем снова принялся отсчитывать деньги.

Капитан Плюм не имел привычки ругаться, но в данную минуту он разразился таким громким проклятием, что даже стены дома, казалось, задрожали. Старик рассмеялся. Золо-

тые монеты звенели между его пальцами. Он хладнокровно придвинул два блестящих столбика ближе к свече, остальные смахнул обратно в мешок. Неторопливо завязывая его, он взглянул прямо в лицо взбешенному капитану.

— Конечно, вы не тот, — сказал он наконец, кивая головой до тех пор, пока его живописные пряди не пришли в движение. — Конечно, я знаю, что вы не тот. Вы можете быть в этом совершенно уверены. Но простите мою маленькую хитрость — мне нужно было знать, не лгун ли вы. Мне нужно было убедиться в вашей честности.

С возгласом удивления и возмущения капитан Плюм опустился в кресло. Его рот был открыт, и потухшая трубка зажата в руке.

— Черт знает, что вы говорите!

— Ничего особенного, — ответил старик, не теряя прекрасного расположения духа. — Я бы завтра посетил вашу шхуну, если бы не встретился сегодня так удачно с вами. Ловкая шутка, а? Здорово ловко, а?

Зажигая трубку, капитан Плюм вернул себе хладнокровие. Он услышал звон золотых монет, и, когда посмотрел на стол, два столбика, стоявших около свечи, были уже передвинуты ближе к его краю стола.

— Это вам, капитан Плюм. В них как раз тысяча долларов.

Голос и лицо старика были теперь очень серьезными, почти строгими.

— Я рассчитываю на вас, — начал старик, отбросив в сторону всякое притворство. — Мне нужна помощь, мне нужен честный человек, мне нужен человек, которому я мог бы довериться. Я дам вам еще тысячу долларов, если вы возьмете с собой на шхуну один пакет и обещаете сдать его по назначению как можно скорее.

— Обещаю, — воскликнул капитан Плюм, протягивая руку. Но старичок ее уже не заметил. Он успел соскользнуть с кресла и скрыться в темноте большой комнаты.

Он вернулся, бормоча по привычке ему одному понятные слова.

— Дело есть дело, капитан, — проговорил он более членораздельно. — Давали ли вы когда-нибудь клятву?

Он положил на стол книгу. Это была Библия. Капитан Плюм понял. Он встал и прикоснулся к ней левой рукой, подняв правую над головой. Улыбка играла на его губах.

— Мне кажется, что вы хотите обязать меня клятвой? — спросил он.

Старик кивнул. Его глаза лихорадочно блеснули, щеки внезапно побледнели. Он дрожал.

— Повторяйте за мной, — приказал он ослабевшим вдруг голосом.

Внезапная мысль осенила капитана Плюма.

— Стойте, — крикнул он, опуская поднятую по обряду руку.

Старик мгновенно в бешенстве отскочил и сжал кулаки.

— Я согласен поклясться при одном условии. Я приехал на Бивер-айлэнд, чтоб узнать кое-что из жизни и обычаев обитателей Сент-Джемса. Я дам вам клятву, если вы в свою очередь поклянетесь мне показать все, что сможете, сегодня же ночью.

Старик вернулся к столу.

— Я покажу вам все, все! — воскликнул он возбужденно. — Я покажу вам все, клянусь вам!

Тогда капитан Плюм поднял опять руку и слово в слово повторил за стариком торжественное обещание. Когда он кончил, старик сел на свое место.

— А где же ваша Библия? У вас ведь должна быть своя Библия, — намекнул капитан Плюм.

Старик встал и молча вышел в соседнюю комнату. Он вернулся с другой книгой и положил ее рядом с Библией таким образом, что мог одной рукой касаться обеих: Библии и Великой Книги мормонов.

— Как ваше имя? — спросил капитан Плюм.

— Обадия Прайс, — ответил старик перед тем, как добросовестно повторить за капитаном Плюмом клятву, которую капитан ему продиктовал.

— Теперь, — сказал капитан Плюм, рассовывая по карманам золото, — я возьму ваш пакет.

Старик еще раз вышел. На этот раз он вернулся с маленьким пакетом, плотно завязанным и запечатанным. Он протянул его капитану.

— Этот пакет более драгоценен, чем ваша жизнь. Дороже всякого золота для того, кому он предназначенся.

Капитан Плюм посмотрел на пакет, но он оказался без адреса.

— Кто же именно этот человек? — спросил Плюм.

Старик вместо ответа приблизился к нему так близко, что капитан почувствовал его взволнованное дыхание на своей щеке. Старик поднял руку, точно не доверяя даже стенам, и одними губами прошептал:

— Франклин Пирс — президент Американских Соединенных Штатов.

2

Глава II. СЕМЬ ЖЕН КОРОЛЯ

Едва Прайс произнес эти слова, как вытянулся во весь рост, впиваясь глазами в темноту комнаты и прислушиваясь выжидающе. Капитан Плюм схватился за рукоятку револьвера и повернулся к узкой двери. В абсолютной тишине к ним донесся слабый, еле уловимый, но постепенно усиливающийся звук уныло гудящего колокола. Старик стоял за спиной капитана Плюма неподвижно, затаив дыхание. При повторных ударах далекого колокола капитан Плюм повернулся вопросительно к старику. Старик стоял с высоко поднятыми руками, и губы его шевелились как бы в молитве. Он производил впечатление человека, впавшего в глубокий транс. С третьим ударом он заговорил, и капитану Плюму

показалось, что его голос принадлежит другому существу — настолько страсть и огонь его не соответствовали внешнему облику истощенного и нервного старичка.

— Мы призываем троекратное твое благословение. Да будет над избранным народом твоим мир, процветание и изобилие, а над Стрэнгом — пастырем, королем и пророком — благодать твоего могущества!

Еще трижды донес далекий колокол свой печальный призыв, и, когда замерли последние отзвуки, старик опустил руки и повернулся к капитану Плюму.

— Франклин Пирс — президент Американских Соединенных Штатов, — повторил он, продолжая как ни в чем не бывало прерванную беседу, — пакет должен быть вручен ему лично в руки. А теперь, простите меня, важное дело заставляет меня оставить вас на короткое время. Ждите меня здесь, и, когда я вернусь, мы пойдем в Сент-Джемс.

Он быстро вышел, подпрыгивая, подобно кузнечiku. В дверях большой комнаты капитан Плюм увидел еще раз его бледное лицо, услышал его странное бормотание, потом звук открываемой двери. Капитан Плюм остался один. Капитан Плюм не был человеком, которого легко сбить с толку. Но в этом деле было так много странностей, что он даже забыл закурить, а это было для капитана Плюма признаком крайней растерянности. Кто этот старик? Не имеет ли он дело просто с сумасшедшим?

Капитан Плюм внимательно обвел глазами всю комнату,

и крик удивления сорвался с его губ. Кожаный мешок, наполненный золотом, лежал там, где старик его уронил. Это могло быть безумием или хитростью, чтобы испытать последний раз его честность. Но, может быть, невидимые глаза сторожат этот мешок. Капитан Плюм прислушался. Полная тишина и мрак царили в соседней комнате, тем не менее он не был вполне убежден, что мешок действительно брошен на произвол судьбы. Он встал, поднял мешочек и с шумом бросил его на стол. Потом подошел к узенькой двери маленькой комнаты и приложил к ней ухо, прислушиваясь до тех пор, пока не убедился, что ни одной живой души там не было.

Наружная дверь хижины была оставлена Прайсом открытой, и через нее в комнату проникал аромат диких цветов и леса. Ночь была соблазнительно прекрасна, и капитан Плюм решил подождать возвращения Прайса на свежем воздухе. Он вышел и, найдя около дома срубленный пенек, сел на него. Ясное сияние звезд освещало его задумчивую фигуру и уютно дымившую трубку. Спустя некоторое время, он услышал шаги. Они быстро приближались. Едва успел капитан Плюм определить направление звуков, как какая-то тень вынырнула из леса и быстро проскользнула через поляну к дверям хижины. На расстоянии десяти-двенадцати ярдов от капитана Плюма фигура на минуту остановилась и посмотрела назад на тропинку, по которой шла. С приветственным свистом капитан Плюм вскочил на ноги. Он услышал ответный возглас, и прежде чем успел отстраниться, фигура оказалась

в его объятиях. Сознание допущенной ошибки, правда с маленьким опозданием, осенило и девушку.

Он несколько секунд, выпучив глаза, смотрел на бледное испуганное лицо незнакомки. Ее большие блестящие глаза, в которых застыл испуг и удивление, тоже остановились на нем, но не успел он произнести слово, как девушка бросилась назад на тропинку и через секунду скрылась в лесу.

Несколько минут капитан Плюм стоял, окаменев от неожиданности. Даже после того, как звуки шагов замерли, он долго прислушивался. Беглянка оставила за собой слабый аромат сирени, и этот запах взволновал его. Как ни коротка была эта встреча, он успел все-таки уловить общий облик незнакомки и был уверен, что лицо ее прекрасно. Он был уверен в этом, хотя и не мог бы дать точного описания. Только глаза и запах сирени ясно запечатлелись в его душе. Он медленно вернулся к пню и сел. Капитан Плюм улыбнулся невольной шутке, которую сыграл с Прайсом. Зная мормонов Бивер-айлэнда, ему было приятно убедиться, что старик, так щедро распоряжавшийся золотом, мало чем отличается от своих соплеменников в другом отношении. Очевидно, он не страдает чрезмерным аскетизмом. Вероятно, это была одна из его жен, и капитан Плюм решил, что хижина не без оснований стоит отдельно от гарема. Ясно, что эта маленькая фея не кокетка, иначе она, конечно, познакомилась бы с ним. Долгое отсутствие Прайса начало вселять в капитана Плюма нетерпение. После часового ожидания он вернулся в

хижину и заглянул в кладовку, где продолжала гореть свеча. К удивлению капитана Плюма, старик сидел за столом. Его усталая голова опиралась на руки, и глаза были закрыты. Он как будто спал. Но как только капитан Плюм вошел, старик немедленно встал.

— Я ждал вас, Нат, — громко сказал старичок, выпрямляясь с быстротой стальной пружины. — Долго ждал вас, Нат!

Он суетливо потирал руки, смущенный собственной фамильярностью.

— Я видел все... Что вы о ней думаете, молодой человек?

Он подмигнул с такой смелой и веселой улыбкой, что капитан Плюм помимо воли громко расхохотался. Прайс погрозил ему пальцем.

— Тише, тише, не так громко, — сказал он наставительно.

Его лицо покрылось бесконечным количеством морщин, и глаза искрились от внутреннего смеха. Не было сомнения, что Прайс чем-то очень доволен.

— Скажите мне, Нат, зачем вы приехали сюда?

Он перегнулся через стол, и его взлохмаченная седая голова почти легла на него.

— Зачем, Нат, по какому делу вы приехали сюда?

— Потому что было слишком жарко и неинтересно лежать в дрейфе, отец, — ответил хозяин «Тайфуна». — Мы жарились там в течение тридцати шести часов. Ни один по-

рыв ветра не тронул наш парус. Я воспользовался этим, чтобы посмотреть, что вы за народ. Может быть, вы считаете это излишним любопытством?

— Нет, совсем нет. Но чем вы занимаетесь вообще?

— Главным образом мореходством.

— Конечно, я сам догадался, что мореходством главным образом. Но почему в таком случае вы носите при себе и револьвер и нож?

— Тревожные времена, отец. Рыбаки здешних мест, в особенности южной стороны, не особенно щепетильны в некоторых делах. Они, например, в прошлом году отобрали у меня груз сахарного тростника!

— А какое применение вы думаете найти для вашей маленькой пушечки, которая хранится у вас в трюме, и ради чего на свете вам нужно целых пять бочонков пороху? — продолжал допытываться Прайс.

— Дело в том... — начал капитан Плюм.

— Конечно, конечно, это специально для рыбаков, я понимаю, — прервал его Прайс. — Вы хотите приподнять их немножко на воздух. Но вы кажется с образованием, Плюм, и умеете хорошо считать. Как же это произошло, что вы ошиблись? Разве у вас не двенадцать человек на шхуне вместо восьми, о которых вы говорили.

— Черт вас возьми! — крикнул капитан Плюм, вскочив неожиданно на ноги и сильно покраснев. — Да, у меня двенадцать человек вместо восьми и пушка спрятана под бре-

зентом и пять бочонков пороху. Но каким образом вы все это разнюхали?

Обадия Прайс обошел стол и, став почти вплотную к капитану Плюму, зашептал так быстро и тихо, что даже в пяти шагах не было ничего слышно:

— Ой, я знаю гораздо больше, чем это. Я даже знаю, что некоторое время тому назад, точнее две недели тому назад, у Бивер-айлэнда ночью вас атаковали две вооруженные лодки и вы и ваша команда были связаны и Ограблены, а на следующий день вы ушли обратно в Чикаго.

Натаниэль молчал, очень удивленный. И Прайс продолжал:

— Вы решили, что эти пираты — мормоны, собрали несколько друзей, вооружили шхуну и вернулись сюда отомстить нам. Не так ли, Нат?

Старичок возбужденно потирал руки.

— Вы попытались вовлечь в это дело сторожевое судно «Мичиган», которое вернулось из плавания, но вам это не удалось. Один из моих друзей в Чикаго сообщил мне все это, и я получил его письмо как раз перед вашим приездом. Но Стрэнг не должен ничего знать: об этом.

Он прошептал последнюю фразу особенно отдельно. Потом порывисто, как и все, что он делал, когда был взволнован, протянул руку.

— Дайте мне пожать вашу руку, капитан Плюм, и двинемся в путь. Я проведу вас в Сент-Джемс.

Капитан Плюм пожал протянутую руку. Нервные пальцы старика сжали его руку, подобно холодным стальным клещам. Выражение лица старичка, только что решительное и возбужденное, стало вдруг просящим и смущенным. Плотнo сжатые губы расплывались в растерянной улыбке. Он с трудом справлялся с охватившим его новым чувством. Капитану Плюму стало жалко этого странного полусумасшедшего человека, и он почувствовал к нему бессознательную симпатию. Его ответное пожатие было искренно и сильно.

— Теперь в путь, капитан Плюм!

Но капитан Плюм сам теперь не отпускал его руки.

— Погодите, еще одно слово. Ваш друг не все вам сообщил. Есть еще кое-какие подробности, которые я хотел бы вам лично разъяснить.

В глазах капитана Плюма впервые за все их знакомство блеснул предостерегающий огонек.

— Перед тем как оставить шхуну, я отдал своему помощнику Кесси исчерпывающие распоряжения. Я ему сказал приблизительно следующее: «Кесси, перед тем как вернуться на шхуну, я постараюсь повидать Стрэнга. Если он согласится покончить за пятьсот фунтов, все будет в порядке. Если нет, то нам придется подойти поближе к Сент-Джемсу и угостить их как следует нашей пушечкой». Если я не вернусь завтра к вечеру, Кесси примет командование и начнет бомбардировку без меня. Таким образом, Прайс, если тут пахнет предательством, то завтра...

Старичок весь задергался.

— Нет, Боже упаси, Нат. Я клянусь, что здесь нет измены. Клянусь вам. Идем же, наконец!

Но капитан Плюм все еще колебался.

— Я все-таки хотел бы знать, с кем я иду. Кто вы? Объясните мне, наконец, кто вы?

— Я — член священного совета двенадцати и главный казначей его величества короля Стрэнга.

Отрекомендовавшись таким образом, Обадия Прайс освободил свою руку и быстро засеменил к двери. Хозяин «Тайфуна» последовал за ним. На поляне перед хижиной советник и казначей короля на секунду остановился в нерешительности, какую выбрать дорогу. Потом с многозначительной гримасой и обычным своим бормотанием выбрал ту, по которой несколько времени назад убежала смущенная посетительница. В течение пятнадцати минут они шли между сплошными стенами лесной растительности. Прайс все время держался на несколько шагов впереди. Оба молчали. Приблизительно через полмили тропинка выходила на прогалину, в противоположном конце которой светился одинокий огонек. Это было освещенное окно большого бревенчатого дома, и когда они проходили совсем близко мимо него, капитан Плюм уловил запах сирени. Он ускорил шаги и, нагнав старика, в волнении схватил его за руку.

— Я чувствую запах сирени!

— Я также, — ответил Прайс, не останавливаясь. — У

нас на острове в этом году чудесная сирень.

— Да, но это, знаете, исключительная сирень, я думаю, что это самая лучшая. Я уже...

— Да, да, — расхохотался казначей и советник его величества. — Я не сомневаюсь, что это замечательная сирень... Она вообще очень любит цветы и всегда носит их.

Когда кончилась прогалина, они вновь погрузились в гущу леса и только спустя еще некоторое время попали на другую поляну, откуда увидели наконец город Сент-Джемс. Огоньки нескольких рыбацких лодок мерцали в гавани. Большая же часть города была погружена в темноту. На мрачном фоне ночи желтизна и малочисленность освещенных окон казались особенно печальными. Только яркий свет маяка над домом короля стойко боролся со всепоглощающей тьмой.

— Еще не время. Мы слишком поспешили, — сказал Прайс, сворачивая с тропинки в сторону леса, где легче было остаться незамеченными. Пройдя несколько шагов, он сел на маленький искусственный холмик. Таких холмиков было три. Капитан Плюм сел на ближайший к старику и ждал, пока тот заговорит. Но старичок упорно не раскрывал рта. Он весь сгорбился, колени почти касались подбородка, и взгляд впился в маяк. Несколько минут протекли в полном молчании. Вдруг свет маяка задрожал, начал слабеть и наконец совсем потух, подобно светлячку, сложившему крылья. В то же мгновение Прайс вскочил на ноги и повернулся к хозяину

«Тайфуна».

— У вас нос гораздо лучше развит, чем уши, дорогой Нат, — сказал Прайс, укоризненно покачав головой в сторону тропинки.

Капитан Плюм прислушался. Он уловил тихие голоса и шаги. В голосах и поспешности шагов чувствовалось волнение. Старик схватил капитана за руку и, когда голоса были совершенно близко, сжал ее сильнее.

— Не пугайте их, спрячьтесь.

Прайс совсем слился с тенью деревьев. Последовав его примеру, Натаниэль проскользнул между двумя холмиками. На расстоянии нескольких метров от них голоса умолкли. На тропинке, тесно прижавшись друг к другу, появились две женские фигуры, и когда они Достигли точки противоположной холмикам, за которыми спрятался Натаниэль, и оказались к нему лицом, он уловил во взглядах этих женщин что-то близкое к ужасу. Сделав несколько шагов, они не удержались и пустились бежать.

— Они увидели нас, — воскликнул капитан Плюм.

Прайс вышел из своей засады, потирая руки.

— Какой соблазн, Нат. Как хотелось бы их напугать до смерти... Нет, они нас не видели, Нат. Девчонки всегда пугаются, когда проходят мимо этих могил. Когда-нибудь...

— Могилы? — почти крикнул хозяин «Тайфуна». — Мы сидели на могилах?

— Ничего, Нат, не беспокойтесь. Все в порядке — это

мои могилы. Я часто прихожу сюда посидеть. Они любят общество. В особенности средняя — маленькая Джен. Может быть, я расскажу вам о ней перед тем, как вы уедете.

Если бы капитан Плюм взглянул на него в эту минуту, то заметил бы, как в глазах советника зажегся теплый загадочный огонек. Но Нат был занят другим. Он опять уловил в душистом ночном воздухе острый аромат сирени. Он выскочил на открытое место и впился глазами в ту сторону, куда скрылись девушки. Прелестное лицо, которое на миг появилось перед ним у хижины Прайса, преследовало его. Капитан Плюм был теперь убежден, что их неожиданная встреча была не единственной причиной испуга молодой девушки, и жалел, что не окликнул. Он легко сумел бы объяснить свою смелость, даже если бы советник следил за ним из хижины. Он чувствовал, что та самая девушка прошла и сейчас совсем рядом с ним, и был уверен, что испуг, который Прайс старался объяснить видом могил, имел другое основание. Решившись узнать, в чем дело, он круто повернулся к своему спутнику. Последний, казалось, угадал его мысли.

— Жаль, что легкий аромат сирени приводит вас в такое сильное возбуждение, молодой человек, — сказал Прайс холодно. — Это может причинить вам большие неприятности.

С этими словами он двинулся вперед, и Натаниэль последовал за ним. Слова старика и тон, которым он произнес их, не оставили в капитане Плюме никакого сомнения относительно личности ночной посетительницы. Конечно, она была

одной из жен советника, и ясно, что внимание, которое капитан Плюм оказывал ей, не могло не задеть ревнивого старика.

Некоторое время оба шли молча. Прайс теперь шагал очень медленно по тропинкам, которые, казалось, нисколько не приближали их к городу. Нат, заметив, что старик о чем-то усиленно думает, не беспокоил его. Возможно ли, что из-за красивого личика и запаха сирени он испортил свои отношения с советником? Эта мысль рассмешила капитана Плюма и, несмотря на двусмысленность положения, он не удержался от громкого смеха. Этот смех заставил Прайса остановиться, как если б к его груди приставили острие шпаги.

— Нат, вы здорово крепкий парень, — вскричал Прайс, быстро обернувшись к нему. — Сможете ли вы так же сильно ненавидеть, как умеете быстро влюбляться?

— Господи, помилуй нас, — воскликнул удивленный капитан Плюм. — Любить — ненавидеть. В чем дело?

— Да, ненавидеть, — повторил с живостью старик, подойдя так близко, что его дыхание коснулось лица капитана Плюма. — Вы умеете чувствовать. Если вы можете любить красивое лицо, то, я надеюсь, сможете ненавидеть уродливую душу. Я знаю, что вы это сможете. Если бы я не был в этом уверен, я отослал бы вас с пакетом сегодня же ночью, но при данных условиях я на время освобождаю вас от клятвы.

Натаниэль сделал шаг назад и прикрыл свои карманы руками, как бы защищая полученное золото.

— Вы думаете нарушить нашу сделку? — спросил он.
Советник энергично запротестовал.

— Нет, нет, сделка остается в силе. Золото ваше, вы должны доставить пакет, только это не нужно будет делать немедленно. Я очень одинок в моей хижине и был бы рад, если бы вы остались со мной на недельку. Хорошо? Не забудьте сирень и хорошенькое личико перед тем, как ответить.

Он говорил так быстро и на лице его так быстро сменялись выражения то острого возбуждения, то мольбы, что Натаниэль не знал, как ответить. Он посмотрел в блестящие глазки старика, и кошачий блеск их вызвал в капитане неприятное чувство. В какое таинственное приключение втягивал его этот старик? Какие причины, соображения, какой замысел скрывались под наружной доверчивостью этой загадочной личности? Он постарался ответить себе на эти вопросы, прежде чем отвечать старику. Советник заметил его колебание и улыбнулся.

— Я покажу вам много интересных вещей, Нат. Я даже сегодня покажу вам кое-что интересное, и тогда вы мне ответите. Не торопитесь пока.

Они опять двинулись в путь и на этот раз прямо к городу. Они прошли ряд бревенчатых домов, сквозь плотно закрытые ставни которых пробивались полосы света. В одном из этих домов Нат услышал крики детей, и Прайс, подтолкнув его в бок, сказал с мрачной торжественностью:

— Здесь живет старый Израиль Ленч, две жены — одна

старая, другая молодая, и одиннадцать человек детей. Царство небесное для него обеспечено.

Из другого дома они услышали звуки органа, а из третьего — смех и болтовню нескольких женских голосов. И снова Прайс подтолкнул его в бок и торжественно, с безразличием настоящего гида сообщил краткую характеристику невидимых обитателей. У длинного мрачного здания, погруженного в абсолютную темноту, советник Даже остановился.

— Три вдовы. У всех троих сквернейший характер. Бедный Джоб окончил жизнь самоубийством.

Они шли, избегая наиболее оживленных частей города, и встретили только нескольких человек. Встречные почтительно приветствовали советника. Когда капитан Плюм и Прайс перегнали группу женщин, одетых в короткие юбки и широкие кофты, с волосами, заплетенными в косы, Прайс подтолкнул Ната в третий раз.

— Женщины носят юбки, доходящие до колен, по личному распоряжению короля. — Потом, несколько изменив тон, он добавил: — Некоторые из них не согласились носить такой наряд, и король придумывает теперь им наказание. Завтра предстоят две публичные порки. Одна из жертв — мужчина, который сказал, что, будь он женщиной, предпочел бы смерть такому позору. Но король находит, что порки для него будут недостаточно и заставит его после экзекуции одеть именно такую юбку. Клянусь Уримом и Тумином — это изысканное наказание.

Он добродушно рассмеялся и нырнул в боковую улицу, где, казалось, не было никаких домов, настолько все сливалось с окружающим мраком. Скоро они дошли до какой-то роши. В глубине ее между деревьями вынырнуло освещенное окно. Прайс стал вдруг необычайно осмотрительным. Он останавливался через каждые несколько шагов и внимательно всматривался в окружающую темноту. Они медленно подходили к окну, и когда наконец дошли, Прайс приказал капитану Плюму спрятаться за кустом.

— Не шумите, Нат. Это дом нашего пастыря, короля и пророка — Джемса-Джесси Стрэнга. Я покажу вам нечто такое, чего вы никогда не видели и нигде больше не увидите. Я дал вам клятву показать все самое интересное, и когда выполню ее, вы мне скажете, согласны ли остаться со мной или нет.

Он бесшумно проскользнул между деревьями. Натаниэль за ним. Сердце капитана Плюма усиленно билось. Все чувства были возбуждены, и левая рука крепко легла на рукоятку револьвера. Он чувствовал, что кульминационный пункт сегодняшних приключений был близок, и его обычная осторожность и выдержка вернулись к нему. Он знал, что находится среди опасного народа, мужчины которого по законам Соединенных Штатов были преступниками во многих отношениях. Он видел их работу вдоль берегов и много слышал о ней. Он знал, что мрак окружающей ночи и наружная благопристойность Сент-Джемса скрывают убийц, воров и пи-

ратов. Однако пока ничего определенно подозрительного он не заметил. Старик между тем проскользнул к углу огромного дома. Здесь на несколько футов выше его головы было другое окно, меньше первого и скрытое за густой листвой дикого винограда. С уверенностью человека, который бывал здесь раньше, советник встал под окном на какой-то пень и оказался на одном с ним уровне. Он взглянул туда и почти сразу же соскочил вниз.

— Посмотрите, Нат, прошу вас!

Прайс встал в сторонку и поклонился с насмешливой вежливостью. Одно мгновение капитан Плюм колебался. При других условиях такое подглядывание через окошко вызвало бы у него отвращение. Но теперь странное предчувствие подсказывало ему, что Прайс приглашал его взглянуть туда не только ради простого любопытства. Возможно, что одного взгляда в маленькое окно будет достаточно, чтобы сами собой объяснились некоторые загадки этой ночи.

— Может быть, вы почувствуете запах сирени, — искал его Прайс.

В одну секунду капитан оказался на возвышении и, затаив дыхание, раздвинул листья. Он посмотрел внутрь. Странная сцена представилась его глазам. Висячая лампа освещала комнату. Под лампой стоял длинный стол, за которым сидело семь женщин и один мужчина. Последний сидел спиной к окну, но женщины были хорошо видны. Они сидели друг против друга по три с каждой стороны, а седьмая на дальнем

конце стола против мужчины. Натаниэль догадался, что это был король Стрэнг. Нат скользнул взглядом по лицам женщин, и когда дошел до последней, сидевшей против Стрэнга, крик удивления едва не сорвался с его губ. Это была та самая девушка, которую он встретил у хижины Прайса. В каком-то испуганном ожидании она вся наклонилась вперед, ее глаза смотрели на короля, рот был полуоткрыт, и руки тяжело лежали на большой раскрытой книге. Ее щеки горели от возбуждения, и как только король, сказав что-то, взглянул на нее, она уронила голову на стол. Ее тяжелая полураспущенная коса, освещенная лампой, блестела, подобно красному золоту, и хрупкое тело вздрагивало от рыдания. Сидевшая рядом с ней женщина хотела погладить склоненную голову, но сразу же, точно по приказанию, отвела руку. Натаниэль, забыв всякую осторожность, прильнул к окну. Когда, подняв голову, девушка случайно взглянула в окно, ее лицо смертельно побледнело и она быстро, прежде чем кто-либо успел заметить, отвела взгляд. Она увидела его и не выдала. Натаниэль готов был кричать от радости. Она увидела его, узнала...

Какая-то мысль осенила его, и он всем существом понял, вернее, почувствовал всем существом правильность этой мысли. Девушка в нем нуждалась — иначе он не мог объяснить себе ее боязнь выдать его присутствие королю. Капитан Плюм вытащил свой револьвер и стал ждать. Если она даст знак, если позовет его, он разобьет окно. Девушка что-

то говорила. И когда в разговоре она подняла глаза, Натаниэль улыбнулся ей. Ему показалось, что девушка ответила ему и что в ее взгляде мелькнул молчаливый призыв о помощи. Это продолжалось десятую долю секунды, но никогда раньше Натаниэль не чувствовал себя таким счастливым.

— Достаточно на сегодня, — шепнул советник, дергая его вниз. Прайс заметил в руке Натаниэля револьвер.

— Скажите мне, Прайс, — отрывисто спросил хозяин «Тайфуна», — кто она?

Советник приподнялся на носки, чтобы ответить.

— Это шесть жен короля, Нат!

— Но та, другая?

— Другая? — переспросил Прайс, отлично догадываясь, о ком думал Натаниэль. — Другая — это его седьмая... жена.

3

Глава III. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

В течение секунды пока он стоял под окном королевского дома, вся двусмысленность положения, в которое он попал, выявилась. Для капитана Плюма вполне. С момента как он оставил шхуну, его Планы изменились, но только сейчас он сообразил, насколько они запутались. Он предполагал, что Прайс покажет ему дом Стрэнга и что позже, перед тем как вернуться на судно, капитан Плюм сможет зайти к нему. Чем бы не окончилась беседа со Стрэнгом, капитан Плюм был бы

все-таки в состоянии передать по назначению пакет советника. Даже бомбардировка Сент-Джемса, если бы в том была необходимость, не смогла бы помешать капитану Плюму исполнить свою клятву. Но эти несколько секунд у окна королевского дома оказались роковыми для его плана. Девушка увидела его, она не выдала его присутствия. Она глазами умоляла о помощи. В этом он был убежден. Что все это означало? Он повернулся к Прайсу. Старик весь подергивался и судорожно сжимал руки. Он был испуган, весь дрожал и, казалось, был близок к сердечному припадку. Вид старика взволновал Натаниэля и подтвердил мысль, которая мелькнула в его голове. Вдруг раздался крик женщины. В мгновение ока капитан Плюм был опять у окна. Девушка стояла к нему лицом и, как только их глаза встретились, он прочел в них блеснувшее как молния предостережение. Когда капитан Плюм соскочил на землю, советник подошел к нему вплотную.

— Достаточно на сегодняшнюю ночь, — сказал он, увлекая капитана.

Но капитан Плюм удержал его.

— Нет еще, Прайс. Я хотел бы поговорить с...

— С женою Стрэнга? — закончил за него Прайс. — Какой же вы жулик, Нат. Ладно, вам представится еще случай поговорить с ней. Вы встретитесь с женой Стрэнга и сможете даже объясниться ей в любви, если захотите. Я клянусь вам в этом, но на сегодня достаточно.

Лицо старичка так и сияло явным сочувствием к молодому человеку.

— Завтра или послезавтра, я обещаю, вы встретитесь с нею, Нат, но если бы Стрэнг узнал... Если бы только он узнал...

В поведении старика, в его лице было что-то настолько странное, он с таким ехидством произнес имя короля, что невольная симпатия Натаниэля к старику быстро угасла. Эта девушка была женой Стрэнга, и потому, что она была женой Стрэнга, Прайс ненавидел мормонского пророка, объяснил себе Натаниэль странное поведение старичка. Советник говорил о будущей встрече капитана Плюма с женой короля с полной уверенностью. Очевидно, у него не было никаких сомнений в нравственности молодой женщины, и он будет рад хоть этим отомстить королю. Эти соображения заставили капитана Плюма вздрогнуть, и он последовал за Прайсом в полном молчании. Всю дорогу капитан думал о ней. Он старался найти на чудном лице следы распушенности, угадать что-либо помимо страха в прекрасных глазах, но попытки его были напрасны. Лицо, которое он видел мысленно перед собой, дышало невинностью и красотой. Время от времени до Натаниэля доносилось бормотание старичка, и когда наконец они вернулись в хижину, это бормотание вылилось в придушенном смехе, дико прозвучавшем в большой темной комнате. Старик зажег свечу и приставил к квадратному отверстию в потолке лестницу. Сопровождаемый Натаниэлем,

он поднялся по ней в маленькую низкую комнату, в которой стояла кровать. Советник поставил свечу на столик рядом.

— Я думаю, что вы останетесь, а, Нат? — прервал он наконец, молчание. — Да, я уверен, что вы останетесь. Отдайте-ка мне пакет на эти несколько дней!

Стоя на лестнице, готовый спуститься, он пожелал спокойной ночи, но через секунду его голова опять вынырнула из люка и он бросил что-то на кровать капитана Плюма.

— Она оставила это прошлой ночью. Желаю вам приятных сновидений.

С этими словами он окончательно спустился в нижнюю комнату. Натаниэль повернулся к кровати и поднял брошенную стариком увядшую ветку сирени. Потом сел на кровать, набил трубку и курил до тех пор, пока едва мог разобрать стены маленькой комнатки. Капитан Плюм перебирал в уме все приключения с момента своего появления на острове. Однако восстановление хронологии событий не способствовало их разгадке. Кто такой Прайс? Кто эта девушка, чья судьба так таинственно переплелась с его судьбой? В чем заключался заговор, в который он оказался вовлеченным? С неослабевающей энергией он обдумывал эти вопросы. В том, что здесь существовал какой-то заговор, у него не было ни малейших сомнений. Странное поведение советника, торжественная клятва, пакет и главным образом сцена у королевского дома достаточно убедили капитана Плюма. Он также был уверен, что ночная посетительница — девушка с сире-

нюю — играла в этом деле какую-то существенную роль.

Он поднял увядшую ветку. Даже сквозь удушливый запах табака пробивался ее сладкий аромат, но когда он вспомнил торжествующее бормотание старика, его вылупленные глаза, страстную дрожь его голоса, злая улыбка скользнула по губам капитана Плюма. Он почувствовал, что тайну легко разгадать, если только поразмыслить немножко над некоторыми деталями, но он этого не хотел. Он составил себе свое собственное представление о жене Стрэнга и не собирался с ним расставаться. Хотя он чувствовал себя сильно поглупевшим, рассуждая об этом приключении, но это его не смущало. Чем больше он курил, тем сильнее возвращались к нему беззаботность и вера в свою силу. Для капитана Плюма было вполне достаточно сегодняшних приключений, и завтра он положит им конец. Он прямо пойдет в Сент-Джемс и переговорит со Стрэнгом о своем деле. Потом вернется на корабль. Какое, в конце концов, может иметь отношение капитан шхуны к жене короля?

Но даже твердо принятое решение не успокоило капитана Плюма. Он ходил взад и вперед по узкой комнате, думая о человеке, с которым завтра должен встретиться. Он думал о Стрэнге, бывшем школьном учителе и воскресном проповеднике, который, возведя себя в короли, в течение семи лет пренебрегал законами родины и создал из острова очаг многоженства, распущенности и порока. Кровь бросилась капитану Плюму в голову, когда он подумал о прекрасной девуш-

ке, которую Прайс назвал женой этого преступного изувера. Эта мысль, вспыхнувшая с новой силой, заставила его опять забыть о цели своего приезда на остров. Вопреки решению заняться собственным делом он незаметно стал думать о короле мормонов и чудном личике, которое увидел сквозь окно его дома. Капитан Плюм многое знал о человеке, с которым ему предстоял деловой разговор. Он знал, что Стрэнг был соперником Бригама Юнга и что во время великого исхода мормонов, когда Бригам Юнг повел их к пустыне запада, Стрэнг ушел со своими последователями на юг. За это каждый год благодарные единомышленники увенчивали его среди диких празднеств золотой короной. Но девушка... Если она была женой этого человека, то почему ее глаза так молили о помощи? Этот вопрос наполнил его взволнованное воображение тысячами картин. Он вспомнил о страшной власти короля мормонов не только над своими собственными подданными, но и над язычниками, населявшими берег материка. Последние считали Бивер-айлэнд гнездом пиратов и убийц. Капитан Плюм знал о грабежах Стрэнга и его людей, о пиратских экспедициях его вооруженных лодок, о страшных расправах его шерифов и о других преступлениях, которые заставляли дрожать прибрежных женщин при одном упоминании его имени. Возможно ли, что эта женщина...

Капитан Плюм боялся закончить свою мысль. Большим усилием воли он заставил себя вернуться к обдумыванию своего собственного плана, выкурил еще одну трубку и раз-

делся. Рядом с ним на столике лежала увядшая сирень. Он заснул, вдыхая ее аромат.

Когда капитан Плюм проснулся, цветов на столе не оказалось. Вместо них, к его приятному удивлению, стоял завтрак. Столик был накрыт белой салфеткой; кофе был еще горячий. Рядом на стуле стояла чашка с водой, лежали мыло и полотенце. Натаниэль бодро соскочил с постели. Советник оказался гостеприимным хозяином. На тарелке лежала записка от него: «Дорогой Нат. Располагайтесь как дома. Я вернусь не раньше ночи. Не удивляйтесь, если кое-кто нанесет вам визит». «Кое-кто» было подчеркнуто, и сердце Натаниэля забилося сильнее, когда робкая догадка подсказала ему, что под этим «кое-кто» разумелась жена Стрэнга. Он подошел к люку и позвал Прайса. Но ответа не последовало. Советник уже ушел. Быстро уничтожив завтрак, хозяин «Тайфуна» спустился в большую комнату. Остатки завтрака советника стояли на столе близко к двери, и дверь была открыта. Через нее проникали радостные лучи солнца и свежесть проснувшегося леса. Сотни птичек чирикали вокруг.

Натаниэль вышел на полянку, по которой должна была прийти жена Стрэнга, если она вообще придет. Он осмотрел то место, где стояла девушка в прошлую ночь. Следы маленьких ножек были отчетливо видны на мягкой земле, и капитан Плюм, улыбаясь и разговаривая сам с собой, пошел по этим следам по направлению к Сент-Джемсу. Многочисленные одинаковые следы указывали, что жена Стрэнга была

частой гостьей Прайса. На прогалине он увидел бревенчатый дом. Натаниэль остановился. Он решил, что девушка была каким-то образом связана с этим домом. Прайс достаточно ясно намекнул на это. Кроме того, именно отсюда она вышла, когда направлялась во дворец. Но так как жена пророка должна была жить в его гареме, то капитан Плюм никак не мог связать эти два обстоятельства. Он был озадачен. Вдруг он увидел неожиданно вынырнувшую из кустов сирени фигуру. Невольный возглас удивления сорвался с его губ, когда он прятался за дерево. Это был советник. Несколько секунд старик стоял, обратившись в сторону Сент-Джемса, как бы поджидая кого-то. Потом, наполовину скрываясь в окружающих дом кустах, он направился в глубину острова. Натаниэль хотел проследить за ним. В предыдущую ночь он догадался, что Прайс был слишком богат и общителен для того, чтобы жить отшельником. А сейчас благодаря случайности он мог бы удостовериться в этом и ознакомиться с другой стороной жизни загадочного старичка.

В этой бревенчатой хижине, так хорошо скрытой распустившейся сиренью, жили жены Прайса... Капитан Плюм рассмеялся. Очевидно, эта молодая женщина тоже живет здесь или, по крайней мере, приходит сюда часто. Хорошо протоптанная ее ножками тропинка, ведущая к дому старика, доказывала это. Солгал ли ему советник? Была ли она одной из жен Стрэнга или Прайса? Если эта женщина была женой советника, зачем он ему тогда солгал, а если она была

женой короля, почему ее ножки, и только ее, протоптали эту тропинку? Капитан «Тайфуна» сожалел теперь, что дал такие определенные приказания своему помощнику, иначе он выследил бы советника. Но сейчас нужно было видеть Стрэнга как можно скорее. Если несвоевременное любопытство удержит его на острове позже заката солнца, то его помощник не задумается исполнить приказание, и тогда...

Закурив трубку и оставляя за собой облако дыма, он смело направился к городу. Проходя мимо трех могил, Нат вспомнил предыдущую ночь. Неприятное чувство овладело им. Он понял теперь, что сказал советник об этих могилах. Это было семейное кладбище Обадии Прайса. Капитан Плюм пошел дальше, стараясь сосредоточиться на предстоящем разговоре. Двумя днями раньше он посмотрел бы на свое посещение острова как на незначительный эпизод в своей жизни, теперь же дело приняло другой оборот. Вопреки его усилиям, очарование прекрасного лица овладевало им все сильнее. Этот образ слишком ясно запечатлелся в его душе. Теперь Сент-Джемс приобрел другой интерес, совершенно затушевавший тот, ради которого он собственно и приехал сюда. Сент-Джемс из-за этой девушки стал для него вдвойне притягателен. Тайна ее жизни, причина ее безмолвной мольбы скрывались где-то здесь, между этими разбросанными бревенчатыми домами. Замедлив шаги, капитан Плюм спустился по откосу к дому Стрэнга. Маяк блестел в лучах солнца и указывал ему путь. Он, наверное, най-

дет там Стрэнга, и может быть, если только Прайс сказал правду, ему удастся увидеть девушку. По дороге ему попадались мужчины и юноши, направлявшиеся вдоль откоса и по тропинкам внутрь острова. Они были вооружены лопатами, граблями и мотыгами, и Натаниэль догадался, что обработанные поля мормонов лежали именно в этом направлении. Несколько фургонов, запряженных волами, оставляли город и медленно двигались по дороге, идущей рядом с берегом. Все оборачивались на него с любопытством, очевидно заинтересованные появлением нового лица. Но Натаниэль не обращал на них никакого внимания.

Когда он вошел в рощу, через которую в предыдущую ночь пробирался с советником, его нетерпение достигло наивысшей точки. Он приближался к бревенчатому дому и осторожно, скрываясь за каждым кустом, подошел к знакомому окну. В волнении, смешанном с надеждой, он остановился, прислушиваясь, и несмотря на серьезность положения, не мог удержаться от улыбки, когда услышал плач детей и пронзительный крик женщин. Он прошел к парадному подъезду дома. Дверь оказалась открытой. Охраны не было нигде. Никто не видел его приближения, никто не подошел к нему, когда он поднимался по лестнице, никто не встретил его в комнате, куда он вошел минутой позже... Он оказался в той самой комнате, которую видел через окно. Тот же длинный стол с толстой книгой на нем, лампа, чей свет золотым сиянием освещал тогда склоненную голову девушки... Капитан

Плюм чувствовал, что готов был позвать ее, если б знал ее имя.

В большую комнату выходил ряд дверей. Четыре из них были закрыты, и детский крик, который он услышал под окном, раздался за одной из них. Пятая дверь была полуоткрыта, и он увидел раскачиваемую колыбель. Здесь наконец была жизнь или движение, по крайней мере; капитан Плюм сильно постучал. В ответ на стук к нему в большую комнату вышла женщина. Нат сразу же узнал в ней ту, которая ласкала склоненную голову рыдавшей девушки.

Лицо молодой женщины было красиво, и бледность необычна. Глаза блестели лихорадочно, роскошные волосы темной волной спускались на плечи, и когда она ответила на приветствие капитана Плюма, в грудном, мелодичном голосе чувствовалось волнение.

— Прошу простить меня, мне нужно видеть мистера Стрэнга, — сказал Нат с низким поклоном.

— Короля вы найдете в конторе, около храма. — Она ближе подошла к Плюму. Легкий румянец окрасил ее щеки. — Зачем вам нужен король? — Румянец сильнее залил ее щеки, и большие глаза стали еще больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.